

Господин из Сан-Франциско

В самом начале рассказа И.А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» отсутствие имени у героя мотивируется тем, что его «никто не запомнил». Господин из Сан-Франциско «ехал в Старый Свет на целых два года, с женой и дочерью, единственно ради развлечения. Он был твердо уверен, что имеет полное право на отдых, удовольствия, на путешествие во всех отношениях отличное. Для такой уверенности у него был тот довод, что, во-первых, он был богат, а во-вторых, только что приступил к жизни, несмотря на свои пятьдесят восемь лет». Бунин подробно излагает маршрут предстоящего путешествия: Южная Италия — Ницца — Монте-Карло — Флоренция — Рим — Венеция — Париж — Севилья — Афины — Палестина — Египет, «даже Япония, — разумеется, уже на обратном пути». «Все пошло сперва прекрасно», но в этой бесстрастной констатации происходящего слышатся «молоточки судьбы».

Господин из Сан-Франциско — один из многих пассажиров большого корабля «Атлантида», похожего «на громадный отель со всеми удобствами, — с ночным баром, с восточными банями, с собственной газетой». Океан, уже давно ставший в мировой литературе символом жизни в ее изменчивости, грозности и непредсказуемости, «был страшен, но о нем не думали»; «на баке поминутно взывала с адской мрачностью и взвизгивала с неистовой злобой сирена, но немногие из обедающих слышали сирену — ее заглушали звуки прекрасного струнного оркестра». «Сирена» — символ мирового хаоса, «музыка» — спокойной гармонии. Постоянное сопоставление этих лейтмотивов определяет диссонансную стилистическую интонацию рассказа. Бунин дает портрет своего героя: «Сухой, невысокий, неладно скроенный, но крепко сшитый... Нечто монгольское было в его желтоватом лице с подстриженными серебряными усами, золотыми пломбами блестяли его крупные зубы, старой слоновой костью — крепкая лысая голова». Важна еще одна, как выяснится впоследствии, обманчивая деталь: «Смокинг и крахмальное белье очень молодили» господина из Сан-Франциско.

Когда корабль прибыл в Неаполь, господин из Сан-Франциско вместе с семьей решает сойти с корабля и отправиться на Капри, где, «все уверяли», тепло. Бунин не указывает, был ли предопределен трагический исход Господин из Сан-Франциско в том случае, если бы он остался на «Атлантиде». Уже во время плавания на маленьком парходике к острову Капри он чувствовал «себя так, как и подобало ему, — совсем стариком» и с раздражением думал о цели своего путешествия — об Италии.

День приезда на Капри стал «знаменательным» в судьбе героя. Он предвкушает изысканный вечер в обществе известной красавицы, но когда одевается, непроизвольно бормочет: «О, это ужасно!», «не стараюсь понять, не думая, что именно ужасно». Он преодолевает себя, ждет в читальне жену, читает газеты — «как вдруг строчки вспыхнули перед ним стеклянным блеском, шея его напряглась, глаза выпучились, пенсне слетело с носа... Он рванулся вперед, хотел глотнуть воздуха — и дико захрипел; нижняя челюсть его отпала, осветив весь рот золотом пломб, голова завалилась на плечо и замоталась, грудь рубашки выпятилась коробом — и все тело, извиваясь, задирая ковер каблуками, поползло на пол, отчаянно борясь с кем-то». Агония обрисована физиологично и бесстрастно. Однако смерть не вписывается в стиль жизни богатого отеля. «Не будь в читальне немца, быстро и ловко сумели бы в гостинице замять это ужасное происшествие <...> умчали бы за ноги и за голову господина из Сан-Франциско, куда подальше — и ни единая душа из гостей не узнала бы, что натворил он». Господин из Сан-Франциско «настойчиво борется со смертью», но затихает «в самом маленьком, самом плохом, самом

холодном и сыром, в конце нижнего коридора» номере. Через четверть часа в отеле все приходит в порядок, но напоминанием о смерти «вечер был непоправимо испорчен».

В Рождество Христово тело «мертвого старика, испытав много унижений, много человеческого невнимания» в «длинном ящике из-под содовой английской воды» отправляется по тому же пути, сначала на маленьком пароходике, затем на «том же самом знаменитом корабле» отправляется домой. Но тело теперь скрывается от живых в утробе корабля — в трюме. Возникает видение Дьявола, наблюдающего «корабль, многоярусный, многотрубный, созданный гордыней Нового Человека со старым сердцем».

В конце рассказа Бунин повторно описывает блестящую и легкую жизнь пассажиров корабля, в том числе танец пары нанятых влюбленных: и никто не знал их тайну и усталость от притворства, никто не знал о теле господина из Сан-Франциско «на дне темного трюма, в соседстве с мрачными и знойными недрами корабля, тяжело одолевавшего мрак, океан, вьюгу...». Этот финал можно трактовать как победу над смертью и в то же время как подчиненность извечному кругу бытия: жизнь — смерть. Т. Манн ставил рассказ в один ряд со «Смертью Ивана Ильича» Л. Толстого.

Первоначально рассказ назывался «Смерть на Капри». Замысел рассказа Бунин связывал с повестью Томаса Манна «Смерть в Венеции», но в еще большей степени с воспоминаниями о внезапной смерти одного американца, приехавшего на Капри. Впрочем, как признавался писатель, «и Сан-Франциско, и все прочее» он выдумал, живя в имении своей двоюродной сестры в Елецком уезде Орловской губернии.